

УДК 821.161.3 (075.8)

ГЕОРГИЙ КОНИССКИЙ О БЛУДЕ И БЛУДНИКАХ

Сомов Сергей Эдуардович

заведующий кафедрой литературы и межкультурных коммуникаций
учреждения образования «Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова»; кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

Проблемы нравственного состояния общества и отдельного человека
всегда находились в центре внимания Белорусского архиепископа Георгия

Конисского (1717–1795). Даже его сугубо научные сочинения («Поэтика», «Философия») и художественные произведения («Воскресение мертвых», «Интерлюдии», стихи), не говоря уже о пастырском богословии («Окружная увещательная грамота», «О должностях пресвитеров приходских») имели воспитательную духовно-нравственную направленность и служили делу исправления всевозможных человеческих пороков. Однако непосредственно целям этического строительства посвящены его многочисленные проповеди.

Слова Георгия рисуют неприглядную картину безнравственной жизни белорусов во второй половине XVIII века. С одной стороны, упадок нравов был результатом процессов ополячивания и окатоличивания народа, поскольку православное население в буквальном смысле было загнано во тьму невежества: ко времени приезда Георгия в Могилев (1755) на Белорусских землях уже не существовало ни одной православной семинарии, где бы готовились кадры грамотных священников и учителей, и оставалось очень мало приходских школ. С другой стороны, процесс растления общества был связан с урбанизацией жизни, с ростом городов, в которых традиционная христианская культура и патриархальный уклад жизни отступали под влиянием секуляризации.

В «Слове в день св. Великомученика Георгия» 1890 г. Конисский так описывал современное ему нравственное состояние горожан и сельчан, обращаясь с риторическим восклицанием к святому Давиду: «О Давиде! ... когда б ты в наш Могилев зашел, ты бы удесатерил жалобную песнь свою; ты бы сказал, уголка нет в городе, в коем бы не было насилия, неправды, лихоимства и обмана! Смело можно и о Могилеве нашем говорить, что сказал Пророк Исаия об Иерусалиме: како бысть блудница, град верный, Сион полн суда, в нем же правда почиваше, ныне же в нем убийцы. Князи твои не покаются (заповедом Божиим), общины татем, любяще дары, гоняще воздаяние, сирым несудящим, и суду вдовиц не внимающим [Ис. 1, 21, 23].

И сего довольно заметить о городах... В селах все другое: блуд у них тайный и редкий; а когда случится, так бракоокрадованную невесту, после брака, не священник руками священными украшает наметкою, но последний из громады вилами гнойным знак бракоокрадения накидает на нее. <...> Начали, особливо в нынешния времена, и в селах проникать беззакония, как-то любодейства и другия мерзости плотския, но и сии плевели от городов заносятся в села: привозя селение в город пшеницу и другия надобности, отвозят от нас мерзостные примеры необузданных беззаконий» [1, с. 426–428].

При этом из множества нравственных отклонений Конисского наиболее тревожило плотское растление людей – грех блуда и супружеской неверности. О нем он говорит очень часто, упоминает эту проблему в большинстве своих проповедей, но особенно пристально рассматривает ее в «Слове в неделю блудного сына», датированном 1785 годом. Используя смысловые и ассоциа-

тивные параллели с названием одного из воскресений, предшествующих Великому посту, Конисский углубляется в анализ причин и последствий блуда, подчеркивая особенную порочность и тлетворность данного этического преступления. Не случайно в качестве эпиграфа слова, выражающего главную мысль произведения, Георгий использует фразу из послания апостола Павла коринфянам: «Всяк грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть а блудяй во свое тело согрешает» [1 Кор. 6, 18].

Конисский подчеркивает, что именно этот грех прижился в белорусских городах как «домочадец и приятель», причем чем крупнее город, тем этого порока в нем больше. Именно это дает ему основания сравнить современные города с Содомом, печальная «слава» которого при этом меркнет. Георгий подробно разъясняет слушателям, что означает «согрешать в тело свое», нанося тем самым невосполнимый вред не только телу, но и душе. Во всех беззакониях, по мысли проповедника, тело выступает только орудием греха: «убийца убивает сторонняго, вор крадет чуждое», но только «один блудяй грешит в тело свое и вредит оно» вплоть до дурных болезней, которые просветитель даже не называет прямо, а лишь описывает их признаки: «расслабление тела», «пятна на лице», «сморд дыхания», «точение червями», обостряющееся в последующем даже «при законном совокуплении» человека [1, с. 128].

Рассуждая об особенностях этого порока, который трудно поддается лечению, Конисский прибегает к образным сравнениям с библейскими героями: он сравнивает блуд с Далилой, которая напала на мощного Самсона не как враги – филистимляне – в открытую и со стороны, а тайно и на его собственном ложе. Тем самым Георгий показывает, что склонность к этому греху как врожденная находится внутри человека, с ним рождается, живет и способна нарастать до степени страсти, когда человек утрачивает связь с реальностью и ведет себя, как безумный, сам того не осознавая: «Страстию блудною кипящему человеку не говори ничего: он не верит Богу и суду Его страшному, он для блудницы в огонь лезет, не щадит здравия и живота своего, честь и имение ни во что ставит» [1, с. 129].

Основную проблему нравственного отрезвления блудников Георгий усматривает в том, что даже кающийся блудник в момент размышления о мерзостях прелюбодейства вновь искушается воспоминаниями, да так, что расслабляется душой и «нечувствительно тем услаждается, чем намерил омерзеть». Георгий прибегает к необычным цитатам из Иоанна Златоуста и апостола Павла, призывавших активно бороться со всяким грехом – «противиться дьяволу», – но не противиться блуду, не бороться, «сплетаясь с ним», а только убегать от него, как от чумы [Ефес. 6, 14]. Этическая диалектика в данном случае такова, что не столкновение, а «бегство от греха» становится нравственной победой над ним.

Но есть, по мысли Конисского, еще горшие духовные последствия блуда. В контексте христианского миропонимания (представлений о человеке, о Церкви, о Таинствах) и религиозной философии истории (эсхатологическая перспектива воскресения на Страшный Суд) блуд наиболее ужасен тем, что он разрывает связь человека и Христа. В блуде оскверняется тело, призванное быть храмом, а не склепом, созданное быть частью «тела Хрита», а не частью тела блудницы. Показывая всю мерзость прелюбодеяния, Конисский, по своему обыкновению, не чуждается использования просторечий и грубоватых фраз. Он называет нераскаянных блудников и блудниц гнездами дьявола и язвами «беса проклятого», сосудами с «гноем и смрадом блудницы сквернейшей», сравнивает их с предателем Иудой, в которого «вниде... сатана».

По принципу антитезы Георгий противопоставляет всему этому кошмару сияющий образ достойной жизни христианина, тело которого – «храм и чертог» Духа Святого, вместилище благовонного мира, гнездо «чистой горлицы», т.е. того же Духа. Просветитель призывает помнить об этом всех слушателей, стараться удаляться от растлевающей роскоши, прельщающих зрелищ и собственно от блуда. Обращаясь к блудникам, он просит их вспомнить об открытой двери покаяния – о возможности возвращения в Дом Отца.

Так в заключении слова Конисский изящно возвращает внимание слушателей к евангельской притче о блудном сыне, на которого похож каждый грешник, уклоняющийся от добра и света и блуждающий во тьме, иногда всю свою жизнь, до конца.

Литература

1. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского. – Могилев-на-Днепре : Скоропечатня и литогр. Я. Н. Подземского, 1892. – 470 с.